

М. С. Курбак

**ЮЖНОАФРИКАНСКИЙ «ШПИОН»
И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
В РОССИИ
(по воспоминаниям Кеннета ван дер Спая)**

АННОТАЦИЯ. Анализируются мемуары южноафриканского летчика генерала Кеннета ван дер Спая. В центре внимания автора статьи — история о том, как ван дер Спай оказался в России во время Гражданской войны в составе коалиционных отрядов интервенции, как попал в плен к большевикам и провел полтора года в тюрьмах. Это захватывающие фрагменты из жизни человека, который прошел тяжелые испытания, но вынес из них позитивные уроки для себя. Выйдя из Бутырской тюрьмы, он не проникся ненавистью к России. Напротив, был благодарен судьбе за полученный опыт. Ведь именно тогда он познакомился с невероятно интересными людьми и их судьбами, там он закалил свою душу и характер, там смог по-настоящему задуматься над тем, что стоит по-настоящему ценить в жизни. Описание «российских приключений» занимают треть его биографии, хотя длились они всего полтора года. Это показывает, какое большое значение данному периоду придавал генерал. Его интерес к России передался и его семье. Племянник ван дер Спая учил русский язык, а жена, Уна ван дер Спай, читала книги о России и мечтала там побывать, что и произошло в 1998 г., уже после смерти мужа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Южная Африка, ЮАР, история Южной Африки, Южная Африка и Россия, история авиации Южной Африки, К. ван дер Спай

УДК 94(47).084.3

DOI 10.31250/2618-8619-2019-4(6)-193-201

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА КУРБАК — к.и.н., с.н.с., Центр африканских исследований, Институт всеобщей истории РАН (Россия, Москва)

E-mail: kurbak-m@yandex.ru

У ИСТОКОВ ЮЖНОАФРИКАНСКОЙ АВИАЦИИ

«Сейчас великая Советская Россия часто фигурирует в мировых новостях. Слово “коммунист” нередко используют как страшилку, чтобы пугать непослушных детишек, точно так же, как пугали словом “Свази”, когда я был ребенком. Ужасное создание, скрывающееся во тьме, готовое схватить и сожрать меня», — так начинался рассказ генерал-майора Кеннета Рейда ван дер Спая о егоключениях в постреволюционной России (van der Spuy 1966: 109).

Кеннет Рейд ван дер Спай родился в 1892 г. в Стелленбоше и прожил долгую и необыкновенно интересную жизнь. Прошел Первую и Вторую мировые войны, дослужился до генерала. После выхода в отставку ван дер Спай поселился на ферме и принялся за написание воспоминаний, которые были опубликованы в Кейптауне в 1966 г. Книга, которую он назвал «В погоне за ветром», вышла небольшим тиражом и давно стала редкостью. На 257 страницах автор рассказывал о своей жизни, о юности связанной с историей развития южноафриканской и британской авиации, об опыте участия в операциях во время двух мировых войн, о возвращении в Южную Африку и уходе на заслуженный отдых. Мемуары поражают откровенностью, а также добрым отношением к России. В 1966 г., когда книга вышла в свет, власти ЮАР отнюдь не приветствовали подобного рода симпатии к нашей стране. Следует, однако, заметить, что в воспоминаниях довольно много неточностей, а также историй, не поддающихся верификации с помощью других источников.

«Погоню за ветром», т. е. увлечение авиацией, ван дер Спай начал в 19 лет, когда увидел в газете «Government Gazette» объявление о наборе молодых людей на летные курсы в Кимберли. На курсах готовили «офицеров-летчиков» для формирования ядра летного корпуса Южноафриканских сил обороны (South African Defense Forces). «Летать?.. Это было настоящим вызовом и поворотным моментом, определившим всю мою будущую жизнь», — писал он позже (van der Spuy 1966: 26).

В начале XX в. значение авиации невероятно возросло во всем мире. И южноафриканские власти решили не отставать. С 1911 г. создавались летные школы, где молодых южноафриканских летчиков тренировали главным образом специалисты из Великобритании. Южная Африка с 1910 г. была доминионом Британии как часть Южно-Африканского Союза,¹ а потому ученики имели все возможности продолжить свое обучение и службу в Англии. Желающих было немало. Сначала обучение в летной школе в Кимберли было практически раем. Молодых людей, как вспоминает ван дер Спай, разместили в шикарном отеле «Alexandersfintein», построенном компанией «De Beers»² как вилла для отдыха высокопоставленных работников. Разумеется, там был бассейн и всевозможные развлечения. Но комфортом долго наслаждаться не пришлось. Вскоре молодых людей переселили из роскоши в военные палатки, расположенные на поле аэродрома. Там им приходилось отгонять от себя москитов, мух, прятаться от песчаных бурь и жары. Но никто не жаловался. Все они знали, что за их спинами стоят десятки желающих занять их места без промедления.

После Кимберли девять из десяти учеников продолжили обучение в Staff College в Темпе. Там был военный учебный центр, созданный британцами во время англо-бурской войны и оккупации Блумфонтейна в 1900 г. После сдачи экзаменов шестеро из них были приглашены в Англию для продолжения обучения в Центральной летной школе Королевского авиационного корпуса (Royal

¹ Южно-Африканский Союз был образован на основании Акта о Южной Африке, принятом Британским парламентом 31 мая 1910 г. В него входили четыре колонии: Капская колония, Натал, Колония Оранжевой реки и Трансвааль.

² Международная корпорация, которая занимается добычей, обработкой и продажей природных алмазов. Основана в Южной Африке в 1888 г. Сесилем Родсем.

Flying Corps, R.F.C.). Незадолго до начала Первой мировой войны ван дер Спай и еще четверо его однокурсников из Южной Африки успешно сдали экзамены и получили лицензию пилотов R.F.C.

В 1914 г. с началом войны ван дер Спай подал прошение участвовать в ней в составе Королевского авиационного корпуса. «Если подумать, ирония заключалась в том, что еще четырнадцать лет назад я ненавидел Британию и все британское, поскольку эта страна вела несправедливую войну с моим народом. Теперь же, посмотрите на меня, члена элитного корпуса, готового сражаться за Британию против ее врагов! Я часто думаю: если бы для завершения обучения меня отправили в Германию, пошли бы мы добровольно воевать за нее или нет; вполне вероятно, что я бы пошел», — признавался ван дер Спай (van der Spuy 1966: 54).

Во время войны ван дер Спай участвовал в операциях на западном фронте, в частности во Франции. В 1915 г. был направлен в Германскую Восточную Африку. Африканский фронт играл далеко не последнюю роль в Первой мировой: получить германские колонии было не менее важным, чем разбить немецкие войска на европейской территории. С началом войны Южно-Африканский Союз вторгся на территорию Юго-Западной Африки, где немецкая армия довольно скоро сдалась. В Восточной Африке бои шли гораздо дольше и тяжелее для войск Антанты. Германские колониальные войска под командованием полковника П. фон Леттова-Форбека успешно давали отпор англичанам, бельгийцам и португальцам как на суше, так и в воздухе. Только узнав о капитуляции Германии в 1918 г., фон Леттов-Форбек был вынужден сложить оружие. Вспоминая участие в событиях в Восточной Африке, ван дер Спай отмечал, что это была «трудная кампания, не только из-за местности, быстрых переходов от места к месту часто по практически непроходимым дорогам, лихорадки, которая забирала половину наших сил, и подобного рода вещей, но также потому, что, сражаясь в столь отдаленной части мира, мы испытывали огромные сложности с тем, чтобы получить запчасти, бомбы, амуницию и бензин для наших самолетов» (van der Spuy 1966: 93). Но, несмотря на все сложности, ван дер Спай получил ценный опыт работы в столь непростых условиях, когда нужно было много импровизировать и идти на риск. Вернувшись назад в Англию в 1916 г., он искал новых, еще более увлекательных приключений. И таким приключением стала для него советская Россия.

АРХАНГЕЛЬСК И СЕВЕРНЫЙ ФРОНТ

Вторая часть мемуаров ван дер Спая (фактически треть книги) полностью посвящена пребыванию автора в советской России. Этот период жизни, события, которые происходили с ним в то время, повлияли на его мировоззрение и заставили посмотреть на многие аспекты жизни совсем иначе. Тем более что ван дер Спай застал, пожалуй, один из самых страшных и сложных для оценки этапов российской истории.

Гражданская война — это всегда самые страшные страницы истории любого народа. В России к ней привел целый ряд факторов, как объективных, так и субъективных: неожиданность большевистского восстания, усталость масс, нелегитимность нового правительства и его социальные эксперименты, разгон Учредительного собрания в январе 1918 г., подписание унизительного сепаратного мира с Германией и предательство союзников по войне, тяжелые последствия выхода из Первой мировой — психологические, политические и социальные. Все это развязало кровавую войну всех против всех, по масштабам потерь превосходившую Первую мировую и столкновения после революции. Как отмечал историк Олег Хлевнюк, «из 16 млн человек, которые, по оценкам демографов, были убиты, погибли от ран, голода и эпидемий в 1914–1922 гг., не менее половины

(8 млн) смертей пришлось на три года гражданской войны — 1918–1920 гг.» (Хлевнюк 2015: 87). И это не считая бежавших в эмиграцию и погибших от голода 1921–1922 гг. и эпидемий (еще около 7 млн человек).

Но ни одни цифры не отражают тот масштаб одичания, зверства, жестокости, в которые погрузилось российское общество в Гражданскую войну. Большевики начали свое управление страной с массового кровопролития и сделали его нормой новой жизни. «Гражданская война сформировала новое государство и во многом предопределила его развитие. Страна оказалась на самом безнадежном перекрестке исторических дорог: между плохим и худшим», — довольно точно отмечал Хлевнюк (Хлевнюк 2015: 87). Он также предполагал, что во многом именно со вседозволенности и общей терпимости большевиков к насилию, даже беспричинному, начался путь Сталина к репрессиям и большому террору.³

В 1918 г. ван дер Спау предложили сформировать и возглавить летную группу, состоявшую из английских, южноафриканских, французских и белогвардейских сил, для проведения военных операций на севере России с базой в Архангельске. «Север России?.. Да. Это должно быть забавно...» — решил ван дер Спай. Разумеется, ни он, ни кто другой из его «экспедиции» (официально все было названо именно экспедицией), понятия не имели, как действовать в условиях сильных холодов. Не представляли, как будет вести себя техника при низких температурах, что брать с собой и в каком количестве. Кроме того, все готовилось в страшном секрете: мало кто в мире тогда представлял, чем обернутся события в России, поэтому правительства европейских стран нередко играли в «двойную игру» с большевиками и белогвардейцами.

Путь до Архангельска был долгим, лежал через Мурманск. Впрочем, группе было разрешено взять на борт практически все, что они пожелали. Ван дер Спау удалось даже уговорить оставить с ним его собаку. По прибытии в Архангельск трудностей оказалось гораздо больше, чем предполагалось. И главная из них — разный темперамент. «Русские — темпераментная раса, как все славяне, и эти “антикрасные” отнюдь не исключение; с самого начала мы вынуждены были бороться с такими вещами, как отсутствие дисциплины, недоверие и сопротивление нормальным методам проведения заданий» (van der Spuy 1966: 116). Больше всего ван дер Спая удивляла «концепция времени и его значимость»: слово «сейчас», пишет он, могло значить совершенно что угодно — в течение часа или двух, завтра, на следующей неделе. И второе — это тотальное недоверие. Невозможность отличить друга от врага. Последнее сыграло наиболее важную роль в судьбе ван дер Спая в России.

В начале апреля 1919 г. один из дезертиров принес известия о расположении частей Красной армии и их штаб-квартир у реки Вага. Было принято решение бомбить эти штаб-квартиры с воздуха. 24 апреля ван дер Спай в сопровождении еще четырех самолетов вылетел на задание. К сожалению, на обратном пути у самолета ван дер Спая отказал двигатель. Самолет удалось посадить, но посадка была экстренной. Ван дер Спай оказался один, без еды, без связи, посреди зимнего леса. Только на второй день он набрел на патруль. Это спасло ему жизнь — замерзший, промокший, уставший и евший только снег, он был буквально на грани смерти. Его доставили в штаб-квартиру большевиков, где допросили, но обращались хорошо, напоили чаем с хлебом. На четвертый день в сопровождении шестерых солдат ван дер Спая отправили в Вологду.

Путь до Вологды был долгим и утомительным. Но ван дер Спай обладал редкой способностью даже в самых тяжелых ситуациях видеть что-то хорошее. «Про себя я думал, что мне во всяком

³ Имеется в виду, в частности, развязанный Сталиным террор в Царицыне в 1918 г.

случае повезло по двум причинам: во-первых, у меня еще оставалось немного табака в кармане, — я разделил его по две трубки на день, во-вторых, у меня был томик Шекспира, который подарил мне портной-переводчик... К концу этого долгого пути я знал Шекспира так хорошо, будто изучал его всю жизнь!» (van der Spuy 1966: 138). В Вологде ван дер Спая продержали три дня, после чего направили в Москву.

МОСКОВСКИЕ ТЮРЬМЫ

Если по пути в Вологду ван дер Спаю приходилось питаться чаем с хлебом, иногда кашей, спать на полу, то в Москву его доставили на поезде первым классом. И сразу по приезде отправили в «Метрополь» для личной беседы с М. М. Литвиновым. Около часа они говорили о событиях, которые привели к революции, о «необоснованном вмешательстве» со стороны Великобритании, Франции и других «капиталистических» стран в борьбу против коммунизма и подобных вещах. После этого ван дер Спай поинтересовался своей судьбой. «Вы бандит, и мы будем Вас судить за это». Ван дер Спай возмутился, заявив, что он солдат, и был взят при исполнении своих обязанностей. «Ваше правительство когда-либо объявляло нам войну? <...> Нет, а потому мы можем рассматривать Вас только как бандита», — ответил Литвинов (van der Spuy 1966: 141). Тем не менее Литвинов упомянул о возможности обмена ван дер Спая на Федора Раскольников⁴ (в книге — «Ратчконликов»).

После встречи с Литвиновым ван дер Спая доставили в Кремль. Там в то время находились еще несколько пленных английских офицеров. С одним из них ван дер Спай познакомился в бане. Это был Ксенофонт Каламантиано,⁵ задержанный 18 сентября 1918 г. по делу Локкарта.⁶ Ван дер Спай сначала принял его за шпиона, подосланного следить за ним. Каламантиано рассказал, что он «правая рука» Брюса Локкарта, что его уже около года держат в тюрьме и что он трижды избежал участи быть расстрелянным за шпионаж. Ван дер Спай пишет, что тогда не поверил ему, и лишь позже узнал, что все это было правдой.

Содержание в Кремле сильно отличалось от тюремных условий. Фактически это была охраняемая квартира. Первые дни ван дер Спая кормили очень хорошо — мясо, овощи, картошка, — затем же еду перестали давать совсем. Он несколько раз обращался с жалобами Литвинову, что исправляло дело на день. Ван дер Спай пишет, что еще несколько раз виделся с Каламантиано. Они даже придумали способ связи: Каламантиано передавал через охрану журнал на английском, где был спрятан специальный код, на страницах были обведены определенные буквы, и ван дер Спай мог с помощью кода прочесть зашифрованные на странице послания. Так он узнал «русскую историю» Каламантиано — одного из «шпионов Локкарта».

⁴ Ф. Ф. Раскольников (Ильин) (1892–1939) — военный и государственный деятель, принимал участие в событиях Октябрьской революции, избран в Учредительное собрание, в 1918 г. был назначен комиссаром Морского генерального штаба, с весны 1918 г. — заместителем наркомвоенмора Троцкого по морским делам. 26 декабря 1918 г. попал в плен к британцам. Обменян в 1919 г. После освобождения был командующим Балтийским флотом, после окончания Гражданской войны занимался дипломатической деятельностью. В 1938 г. покинул СССР. Скончался в Ницце в 1939 г. в психиатрической больнице при не до конца выясненных обстоятельствах.

⁵ К. Д. Каламантиано (1882–1923) — американский бизнесмен русско-греческого происхождения. В 1918 г. создал некоего рода бюро, собиравшее информацию о ситуации в России преимущественно экономического характера и передавал ее американским дипломатам. 18 сентября был арестован и судим в рамках дела Локкарта. Приговорен к расстрелу за шпионаж, но расстрел был заменен 20 годами тюрьмы. В последнем слове утверждал, что не имеет отношения к Локкарту и виновным в шпионаже себя не признает. В 1920 г. срок сократили до 5 лет, в 1921 г. был освобожден по амнистии.

⁶ Дело Локкарта — так называемый «посольский заговор», якобы организованный британским генеральным консулом Брюсом Локкартом совместно с дипломатическими представителями Франции и США с целью свержения власти большевиков в России в 1918 г.

В Кремле ван дер Спай провел месяц, после чего его переместили в здание Французской миссии. И даже устроили небольшую экскурсию по центру Москвы, в частности сводили в Храм Христа Спасителя, преобразованный во Дворец Советов. Спустя три недели ван дер Спая снова перевели — теперь уже в здание Британской дипмиссии в районе Красных ворот. Там ему стало известно, что в плен попал полковник Эндрюс и тридцать его офицеров, обманутых своими белыми союзниками, которые перешли на сторону красных и взяли Эндрюса и его людей в плен. Ван дер Спай обратился к Литвинову с просьбой выпустить Эндрюса из Бутырской тюрьмы и перевести его тоже в Британскую дипмиссию, где условия были как при домашнем аресте. Литвинов потребовал, чтобы ван дер Спай и другие пленные офицеры и инженеры, находившиеся с ним, выдали известные им пароли. После некоторых колебаний они это сделали. И в ту же ночь оказались в ВЧК.

Стоит ли говорить, что условия в Бутырской тюрьме, куда отправили ван дер Спая после серии допросов, разительным образом отличались от Кремля и зданий дипмиссий. Ван дер Спай писал, что на протяжении всей жизни его не покидали ночные кошмары, в которых он возвращался в Бутырку и к тем ужасам, что видел там. Два месяца он провел в камере одиночного заключения, практически без сна. Пребывание в обычной камере тоже было нелегким, однако разрешались прогулки и общение с другими заключенными. Так, ван дер Спай пишет, что снова встретил Каламантиано, переведенного из Кремля. Они много разговаривали о том, что произошло с Локкартом и самим Каламантиано. Позже, когда ван дер Спай узнал, что его отправляют в Англию, он пришел проститься с Каламантиано. «Я как сейчас помню его стоящего у двери своей камеры, слезы текут по его щекам. Никакого освобождения для него — только неопределенность. И я был так счастлив, когда через год получил письмо от него из США, где он читал лекции в одном из университетов», — писал ван дер Спай (van der Spuy 1966: 156).

Еще одно удивительное событие, которое произошло с ван дер Спаем в Бутырке — это встреча с Ф. И. Шаляпиным. Однажды, как утверждает ван дер Спай, Шаляпин пришел к заключенным тюрьмы и пел для них песни, которые они хотели услышать. Действительно, есть сведения, подтверждающие факт посещения Шаляпиным тюрьмы в это время. В частности, по воспоминаниям знаменитого артиста МХАТ Григория Хмары, Шаляпин, примерно за год до окончательного отъезда за границу, 17 января 1921 г. дал концерт для заключенных Бутырской тюрьмы. По словам Хмары: «...после исполнения им [Шаляпиным] серьезных музыкальных номеров Федор Иванович обвел глазами собравшихся заключенных и запел “Дубинушку”. Впечатление получилось потрясающее. Вся тюрьма подпевала припев. Пели в каком-то экстазе многие со слезами на глазах. Я никогда не видел Шаляпина таким вдохновенным, грозным, могучим, властным — настоящим атаманом... Растроганные и взволнованные смертники бросились к Федору Шаляпину с мольбой о заступничестве» (<http://shabad.ru>). Сам Шаляпин нигде, даже в своих воспоминаниях, об этом событии не упоминал.

Чуть позже, уже после освобождения, ван дер Спай видел Шаляпина еще раз, как пишет в мемуарах. В театре, на опере «Сибирский цирюльник». «Во время антракта я имел возможность подойти к нему за кулисами. Он был очень рад и на прощание пожал мне руку, обнял и сказал: «Лондон, дорогой Лондон! Боже, увижу ли я мой Лондон когда-нибудь снова?» (van der Spuy 1966: 172). Сам Шаляпин об этой встрече нигде не писал, к тому же он много гастролировал в 1921–1922 гг. Подтвердить этот факт, к сожалению, не представляется возможным.

Ван дер Спай с большим уважением отзывается практически обо всех заключенных, с которыми находился в одной камере и знакомился в Бутырской тюрьме. Среди них были дворяне,

аристократы, моряки, пилоты, некоторые имели высокие должности прежде. По словам ван дер Спая, одним из его «бутырских друзей» стал князь Феликс Юсупов.⁷ На тот момент тюремный режим стал мягче, и ван дер Спай проводил с Юсуповым много времени, обучая его английскому языку. Юсупов в ответ пытался научить ван дер Спая польскому. Юсупов освоил английский довольно быстро, уже через три недели, по утверждению автора, он мог с легкостью читать и писать. И поведал ван дер Спаю историю о том, как Распутин закончил свои дни. Что касается ван дер Спая, то польский язык он так и не освоил, поскольку тот оказался слишком сложным для южноафриканца.

После подписания советско-английского торгового договора в 1921 г. появилась перспектива освобождения. «Тюремные власти решили, что мы все же больше люди, нежели животные, и даже положили однажды в суп кусок конины! <...> Англичане, говорили они, всегда были нашими друзьями и сумели нас понять, несмотря на все сложности. Мы можем ехать домой и свободно рассказывать всем правду об их удивительной, величественной стране, где все наслаждаются свободой и равными возможностями, и, конечно, о том, как нас предусмотрительно принимал как гостей большевистский режим!» — писал ван дер Спай (van der Spuy 1966: 168).

Частью договора было беспрепятственное возвращение на родину подданных обеих стран. И уже на следующий день ван дер Спай и несколько других заключенных-англичан были перемещены в Андроньевский монастырь для подготовки к репатриации через Финляндию. Каждый день до отправки был посвящен пропаганде, пишет он. Ежедневно к ним присылали «очень образованную комиссаршу», которая водила бывших заключенных по музеям, галереям, театрам, на Красную площадь, показывала Дворец Советов. Все было направлено на демонстрацию величия нового режима. И никакого внимания не обращалось на очевидные недостатки: атмосферу пренебрежения друг к другу, грязь и мусор на улицах, голодающее население, забитые водостоки, сломанные поезда, «отвратительные плакаты Ленина и других советских больших боссов, сменившие статуи и произведения искусства» (van der Spuy 1966: 171). Также ван дер Спай был поражен пренебрежительным отношением к религии и агрессивной антирелигиозной пропагандой.

Передачей ван дер Спая и других англичан руководил Марсель Розенберг.⁸ Ван дер Спай писал, что на прощание Розенберг пытался сгладить негативные впечатления и говорил что-то вроде «мы надеемся, Вам понравилось пребывание в новой России; что Вы были должным образом приняты; мы надеемся, что у Вас нет никаких жалоб и что Вы расскажете Англии, что новая свободная Россия была страной радости и надежд, что Англия всегда будет ее другом» (van der Spuy 1966: 175). После чего пожал руку ван дер Спаю. Свой ответ на это ван дер Спай не записал.

«ВСПОМИНАЯ, НЕ СОЖАЛЕЮ»

Пройдя через огонь и воду революционной России, испытав холод, голод, болезни, бессмысленное правосудие, невыносимые тюремные условия, безразличие, бюрократию, стукачество, подозрительность всех ко всем, ван дер Спай мог и имел все причины возненавидеть нашу страну. Но этого не произошло. Он признается, что его много раз спрашивали, хотел бы он вычеркнуть русские годы из своей жизни, если бы мог, или нет. Конечно, отвечал он, все это оставило опреде-

⁷ Ф. Ф. Юсупов (1887–1967) — последний из князей Юсуповых, участвовал в убийстве Г. Распутина, написал несколько книг о нем.

⁸ Марсель Розенберг (1896–1938) — советский дипломат, первый советский представитель в Лиге Наций. В 1938 г. расстрелян. Реабилитирован после смерти Сталина.

ленный негативный осадок на душе, остались «шрамы», которые не могут до конца затянуться. Однако ван дер Спай из тяжелого опыта в России сумел вынести важные уроки.

«Вспоминая, я не сожалею. Пожалуй, надо скорее считать мою тюремную жизнь испытанием способности терпеть и размышлять, а не проклинать те несчастные месяцы, которые я вынужден был потерять. Несомненно, что в тюрьме включились те части моего сознания, которые в привычной жизни не функционировали. У меня было много времени — подумать, поразмышлять и понять смысл тех ценностей в опыте человеческих отношений, о которых я прежде не задумывался. Я встретил много интересных людей, научился лучше распознавать помыслы человека, его реакцию на события, научился понимать его надежды. Истязания, страдания духа и тела, долгие черные дни и ночи лучше забыть. Да если они и вспоминаются, то сейчас уже не кажутся такими ужасными» (van der Spuy 1966: 177).

Когда ван дер Спай ушел в отставку, он поселился недалеко от Кейптауна со своей женой Уной на ферме «Old Nectar». Занялся выращиванием роз, публиковал об этом книги и статьи. Его розы многие считали красивейшими в Кейптауне. А. Б. Давидсон писал, что много общался с Уной ван дер Спай в октябре 1991 г. (самого Кеннета ван дер Спая ему не удалось застать в живых, он умер немного раньше, в мае 1991 г., немного не дожив до ста лет). Она очень интересовалась жизнью в России, много читала о ней, а в 1998 г. сбылась ее мечта — Уна побывала в нашей стране (Давидсон 2017: 223).

Читая воспоминания Кеннета ван дер Спая, не перестаешь поражаться смелости, мужеству и оптимизму этого удивительного человека. Он прожил долгую, насыщенную жизнь, познакомился со многими интересными людьми. Он не боялся опасностей и риска и каждые — даже самые нелегкие — испытания считал барьером, который нужно и важно преодолеть, чтобы стать лучше, сильнее, человечнее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Давидсон А. Б.* Письма с мыса Доброй Надежды. М., 2017.
Хлевнюк О. Сталин. Жизнь вождя. М., 2015.
Van der Spuy K. R. Chasing the Wind. Cape Town, 1966.

**A SOUTH AFRICAN “SPY” AND THE CIVIL WAR IN RUSSIA:
MEMOIRS OF KENNETH VAN DER SPUY**

A B S T R A C T. The author analyses the memoirs of the South African pilot, General Kenneth van der Spuy. She focuses on the story of how Van der Spuy appeared to be in Russia during the Civil War as a part of the coalition intervention group; how he was captured by the Bolsheviks and spent a year and a half in Russian jails. This is an incredibly interesting experience of a person who has overcome difficulties, but has learned positive lessons for himself. Emerging from the Butyrka jail, he did not hate Russia. On the contrary, he was grateful for this experience. After all, in Russian jails he met interesting people and got to know about their fates, tempered his soul and character, and was able to think a lot about what he really needed to appreciate in life. The description of the “Russian adventures” occupies a third of the memoirs of Van der Spuy. It shows the great importance of this period for his further life. His interest in Russia became hereditary to his family. The nephew of Van der Spuy learned Russian, and his wife, Unna van der Spuy, read books about Russia and dreamt of traveling there, which happened in 1998, after the death of her husband.

KEY WORDS: South Africa, SAR, history of South Africa, South Africa and Russia, history of aviation in South Africa, Kenneth van der Spuy

MARIA S. KURBAK — Ph. D. of Historical Sciences, Senior Researcher of the Center for African Studies, the Institute of General History, Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

E-mail: kurbak-m@yandex.ru